

– Все это верно, дочь моя, – сказал он, – только нас, монахов, ты не должна считать за мужчин.

Тогда, боясь его послушаться, сестра Мария посмотрела на него. И когда она увидела, до чего он безобразен, она решила, что глядеть на него так противно, что это не может быть грехом, что, напротив, за это одно господь простит ей другие грехи. Поговорив с ней некоторое время о нежных чувствах, которые он к ней питает, приор потянулся к ее соскам. Как и следовало ожидать, она тотчас же оттолкнула его руку. Тогда вне себя от гнева он воскликнул:

– Разве монахине положено знать, что у нее есть соски?

– Да, я знаю, что у меня они есть, – отвечала она, – и можете быть спокойны – ни вы, ни другой мужчина их не коснется. Не такая я юная и неопытная, чтобы не знать, что есть грех и что нет.

Когда приор увидел, что потерпел неудачу, он пустился на другую хитрость и сказал:

– Увы, дочь моя, я должен поведать тебе нечто важное: я серьезно болен, все врачи находят болезнь мою неизлечимой. И поверь, что единственное средство, которое может меня исцелить, – это женская ласка и наслаждение с той, которую я люблю. Что до меня, то я ни за что на свете не хотел бы совершить смертный грех, но когда речь идет о том, чтобы остаться в живых, то я думаю, что само прелюбодеяние ничего не значит по сравнению с человекоубийством – грехом, вне всякого сомнения, более страшным. Поэтому, если тебе дорога моя жизнь, внемли голосу совести и не будь жестокосердной. Этим ты спасешь и свою душу, и меня.

Монахиня спросила, что она должна делать.

Он ответил, что она может всецело положиться на него и что он не способен совершить ничего дурного, чего ему или ей пришлось бы потом стыдиться. И чтобы показать ей, с чего начинается эта игра, он обнял ее и пытался уронить на постель. Разгадав его злой умысел, девушка стала защищаться – и не только с помощью слов, но и с помощью рук, – и святому отцу удалось только прикоснуться к ее одежде. Увидев, что все его хитрости и усилия ни к чему не привели, рассвирепевший монах позабыл не только о совести, но и о рассудке и, запустив ей под платье руку, яростно расцарапал ногтями все, до чего успел дотянуться. Боль была так велика, что несчастная девушка, закричав истошным голосом, упала на пол и тут же лишилась чувств. На крик этот неожиданно отозвалась аббатиса. Слушая вечерню, она вспомнила, что ее внучатая племянница осталась беседовать со святым отцом, и, боясь, как бы чего не стряслось, подошла к двери послушать, о чем они говорят. Едва только она услышала крик Марии, как сразу же толкнула дверь, которую придерживал молодой монах.

Увидев аббатису, приор не растерялся и, указав ей на лежавшую без чувств девушку, сказал:

– Вы совершили большую оплошность, матушка. Почему вы не сказали мне, что у сестры Марии такое слабое здоровье? Я этого не знал и заставил ее стоять, и в то время, когда я увещевал ее, она вдруг упала и потеряла сознание.

Бедную девушку стали приводить в чувство укусными примочками и разными другими средствами и обнаружили, что при падении она разбила себе голову.

Когда она пришла в себя, приор, боясь, чтобы она не рассказала аббатисе о том, что он учинил, тихо сказал ей:

– Дочь моя, приказываю тебе под страхом наказания и вечного проклятия никогда никому не рассказывать о том, что я здесь совершил, ибо ты должна понять, что толкнула меня на это дошедшая до крайности любовь. Теперь, когда я убедился, что ты нелюбишь меня, обещаю тебе, что никогда больше не заведу о ней речи, только помни, что если тебе захочется когда-нибудь меня полюбить, я сделаю тебя аббатисой одного из трех лучших аббатств нашего королевства.

Но Мария ответила, что скорее согласилась бы умереть в тюрьме, чем предпочесть кого-нибудь тому, кто умер за нее на кресте; с ним она готова переносить любые страдания, которые выпадут ей на долю, и предпочтет их всем богатствам мира. Она предупредила приора, чтобы он больше не пытался заговаривать с ней об этих вещах, иначе она все расскажет аббатисе; если же он сохранит все в тайне, то молчать будет и она. Ничего не добившись, недостойный пастырь вынужден был уехать. А для того чтобы показать себя с лучшей стороны и впредь иметь возможность видеть ту, кого он любил, он, повернувшись к аббатисе, сказал:

– Прошу вас, матушка, заставьте всех монахинь спеть *Salve Regina* в честь Пресвятой девы, на которую я во всем уповаю.

Когда запели эту молитву, хитрый лис прослезился – и не от умиления, а от горя, что ему не удалось удовлетворить свое желание. А все монахини, думая, что он плачет от любви к деве Ма-